

«Ракета» на Большой Волге

15 июля 1960 года отец в сопровождении других членов Президиума ЦК, председателя Госкомитета по судостроению Бориса Евстахиевича Бутомы и еще каких-то важных лиц отправился на Большую Волгу в район Калинина посмотреть на «Ракету», сверхбыстроходный речной трамвайчик на подводных крыльях. «Ракету» придумал и довел до ума Ростислав Евгеньевич Алексеев, молодой конструктор Горьковского судостроительного завода «Красное Сормово». За границей ничего подобного не делали.

Меня отец тоже взял с собой. Погода стояла солнечная, теплая, безветренная. До пристани на берегу Волги доехали на машинах, а там разместились на палубе теплохода и вышли на фарватер. Представление началось. «Ракеты», почти не касаясь воды, пролетали перед зрителями, затем замедляли ход, плюхались в реку и снова разгонялись, выходили на крылья. Вслед за «Ракетами», совсем рядом с теплоходом пронесся огромный «Метеор», экспериментальный, уже не речной, а морской корабль.

Пояснения давал стоявший рядом с отцом подтянутый, худощавый, с головой, увенчанной богатой шевелюрой, Алексеев. Ему едва минуло сорок лет. Отец пришел в восторг и от кораблей, и от их конструктора. Особенно от конструктора. Он пообещал Алексееву свою полную поддержку, просил звонить напрямую, если конечно возникнет такая надобность. Тут отец ткнул пальцем в живот стоявшего рядом, «алексеевского» министра Бутому. Отец его хорошо знал и уважал. Он, Бутома, и «открыл» Алексеева, поддержал его на первых, самых трудных порах, а теперь познакомил с отцом. Бутома расплылся в улыбке и согласно закивал головой, как бы заверяя, что надобности у Алексеева звонить Хрущеву не возникнет. Ее действительно не возникало, Борис Евстахиевич свое дело знал и любил.

«Ракеты» шли в серии с 1958 года, за ними последовали «Метеоры». Корабли на крыльях перестали кого-либо удивлять, стали будничной частью нашей жизни, вроде троллейбусов или трамваев. И не только нашей жизни. В XXI веке «Метеоры» все еще продолжают исправно возить пассажиров в греческом Средиземноморье, и не только там.

Алексеев же продолжал изобретать. В 1963 году, уже под самый конец пребывания отца у власти, он попросился к нему на прием. Отец принял Алексеева в Кремле. Тот рассказал, что задумал с помощью крыльев не просто приподнимать корабль над поверхностью воды, а вовсе оторваться от нее. Свое новое изобретение Ростислав Евгеньевич назвал экранопланом. За счет особой конфигурации теперь не подводных, а почти нормальных, воздушных крыльев между ними и землей (водой) создается подпор воздуха. На нем, как на подушке, и держится корабль-самолет. Двигаться он может почти с самолетной скоростью, несколько сотен километров в час, а груза набирать по-корабельному много. Правда, высота полета, вернее скольжения над ровной поверхностью, не превышала трех-пяти метров, иначе эффект подпора исчезал. Холмы, холмики, овраги, буераки экраноплан преодолевать не умел. По мысли Алексеева, предназначение экраноплана: прибрежные морские или речные сообщения и еще он давал возможность двигаться над болотами и равнинами тундры. Быстрый, вместительный, экономичный, он, в отличие от гусеничных машин, не разрушал заросший полярным ягелем верхний слой почвы. В общем, не транспорт, а чудо.

Отец загорелся новой идеей, вновь обещал свою полную поддержку. Но оказать ее не успел. Отца сменил Брежнев.

Экраноплан — уже не корабль, но еще не самолет, завис в межведомственном пространстве. Речники его от себя выталкивали, Аэрофлот принимать отказывался. К экраноплану он интереса не выказал. Алексеев попытался достучаться до Косыгина, но тот через помощ-

ника ответил, чтобы он обращался к своему министру. Совладать с смежниками-министрами Бутома не мог, пришлось им с Алексеевым «запродаться» военным. Конструктор переделал почти готовый экраноплан в десантный корабль, пообещал на его базе спроектировать крылатый ударный ракетносец. Свое слово он сдержал. На свет появился гигантский тысячетонный с восемью реактивными двигателями то ли самолет, то ли корабль. В его фюзеляже могло разместиться до роты десантников в полном вооружении. В ударном варианте в нем монтировали контейнеры с челомеевскими крылатыми ракетами. Экраноплан испытывали на Каспии. Американцы его сфотографировали со спутника, окрестили «Монстром Каспийского моря» и никак не могли догадаться, что это за чудо-юдо.

«Монстр» на самом деле оказался монстром, высосал все соки из конструкторского бюро и завода, но так толком и не залетал. Вскоре Алексеев умер, а вслед за его смертью захирел и экраноплан. Сейчас пара экспериментальных «монстров» догнивает где-то у пирсов провинциального Каспия, а болотистую тундру рвут гусеницы грузовых и пассажирских вездеходов. Говорят, что там, где однажды проползет такая машина, растительно-почвенный покров восстанавливается только через пятьдесят-сто лет. Или вовсе не восстанавливается, земля протаивает, вечномерзлая твердь превращается в болото.